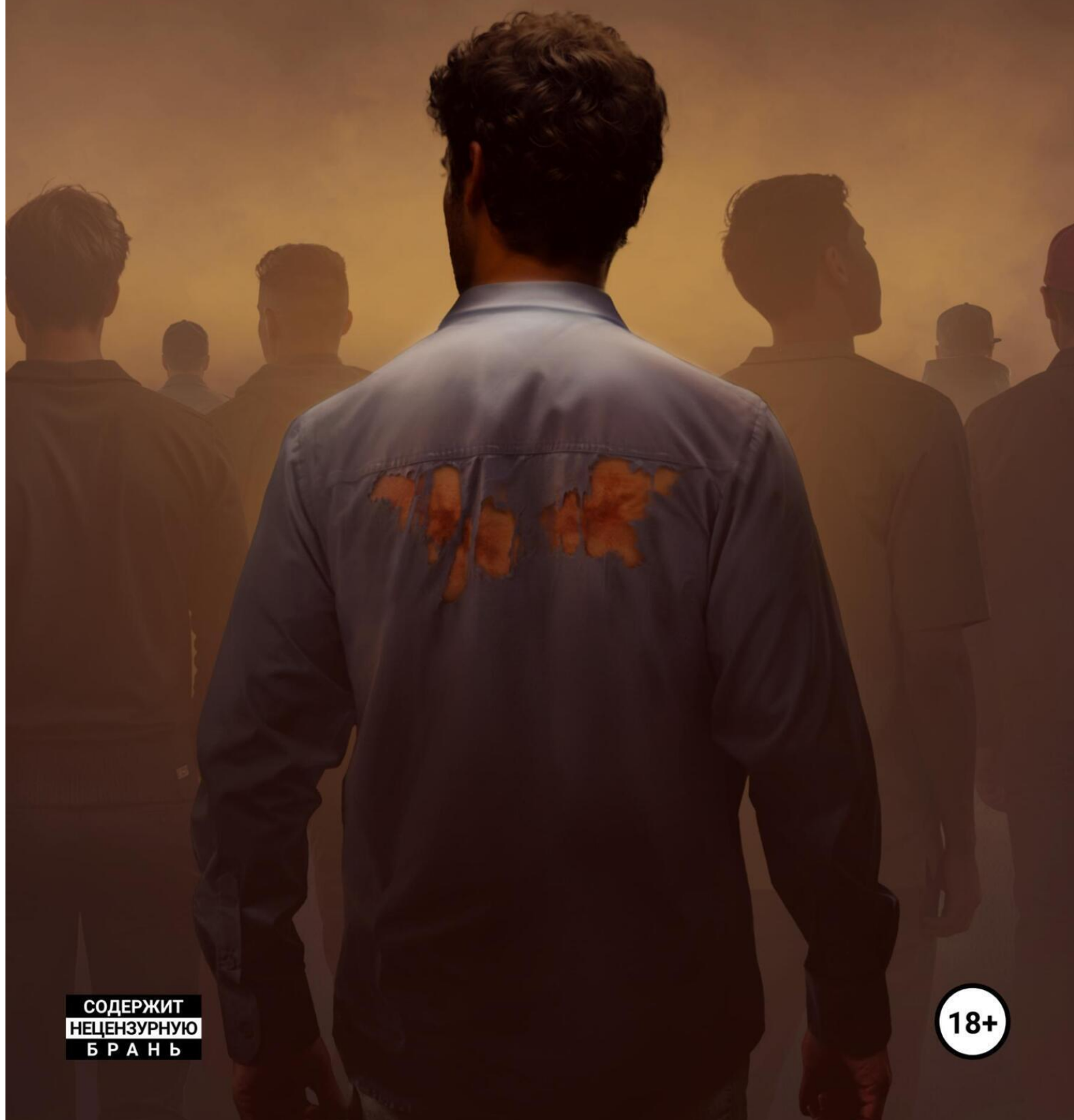

Алексей Корнелюк

БЕСКРЫЛЫЙ

ПОСЛАННИК БОГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Корнелюк

Бескрылый – Посланник бога

«Автор»

2025

Корнелюк А.

Бескрылый – Посланник бога / А. Корнелюк — «Автор», 2025

Кто вообще сказал, что ангелы — это исключительно добрые сущности? Ага, и про нимб, и про крылья... Кто вам напел? Уверяю, это клише и стереотипы. Я вот знаю одного ангела. И он, как бы так сказать... не торт. Вредный, грубый и в то же время странный. Как я понял, что он ангел? Да он сам сознался. Прямолинейно. Я проверил: пальцем ткнул, а он — раз... и сквозь него прошёл. Ещё доказательства нужны? Так я их дам — пальцы загибать устанете. В общем, верить или не верить — дело ваше, но ангел доверительно шепнул мне то, о чём знает только он и... вы. Томить не буду — сразу к делу. У ангела на ваш счёт большие планы. И мало времени. Впрочем, как и всегда. Всё началось с первой главы...

© Корнелюк А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава П	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Глава 12	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Корнелюк

Бескрылый – Посланник бога

Глава II

Предисловие, которое трудно пропустить

Обычно мы (то есть я с тобой, читатель) предисловие пропускаем – и это оправдано. Но не сейчас. Предисловие здесь, скорее, как предостережение, чтобы мы сразу поняли, подходим друг другу или нет... Всё как у пёсиков на улице, которые обнюхивают друг друга.

Гав?

Начнём с меня. Кого я в этой непростой книге видеть не хочу.

Если ты верующий фанатик, ну из тех, кто читает «Отче наш» при каждом отключении света и крестится у каждого храма... что ж, эта книга не для тебя. Бикоз я тебя обижу. Правда, ненамеренно. Пока.

Гав.

Идём на следующий круг.

Если ты, дорогой читатель, из обидчивых... ну знаешь, задевают тебя по ерунде, и вот ты уже весь трясёшься от злости, то тоже закрывай эту книгу. В мире есть столько нежных, милых романчиков. Здесь всё не так. Здесь будет местами цинично и больно, но зато правдиво. А мне потом за твою расшатанную психику отвечать? Нет.

Гав.

Всё, обнюхивание закончено.

Всем остальным я рад. Сердечно жму руку и рассчитываю, что через юмор, метафоры и безумные диалоги вы разглядите суть. А суть она... о важном. О вечном.

Представьте, что вы смотрите кино. Задача хорошего писателя – не рассказывать, а показывать. Не сомневайтесь сразу, не кидайте попкорн в экран в порыве негодования. Это кино, и в нём всё будет идти так, как задумал сценарист. То есть я.

Садитесь поудобнее, берите газировку – и приятного просмотра.

Что я вам обещаю в век, когда никому верить нельзя? Что вы хорошо проведёте время и с этого киносеанса выйдете с приятным, полезным послевкусием.

Вот, глядите, уже первая сцена началась...

Глава 1

...Я встретил его на обочине. Потерявшегося ангела, утратившего возможность летать...
– Нет, чувак, так не годится. Ску-учно-о-о. Так никто твою книгу не прочитает. И вообще, зачеркни вот это. – ангел указал на слово «утратившего».

– Но ведь это правда! – запротестовал я.

Ангел поморщился и отвернулся.

– Говорю тебе, оживи текст, сделай всё без этих вымученных литературных приёмов. Расскажи так, будто... ну не знаю... – он почесал ногтем висок, – будто рассказываешь эту историю другу.

Я снова взялся за блокнот, поднёс кончик ручки к бумаге, задумался... и приступил.

Текст сам собой выскакивал из-под руки. Я корябал и корябал свою историю о том, как познакомился с ангелом. Ввернул несколько абзацев предыстории, чирканул о себе, как, ничего не подозревая, просто ехал в такси – и вдруг встретил его... его...

Я прикрыл блокнот, поглядел на взлохмаченного ангела, на то, как он отбивает рукой ритм, как качает головой в такт музыке, и ткнул его.

– Ну чего тебе? – ангел снял наушники.

– Как тебе?

Он пробежался глазами по первой странице.

– Сократи. Ты опять пытаешься слезинку из читателя выдавить. Зачем все эти истории про то, как тебе тяжело жилось? У всех жизнь не сахар, давай без театральщины...

Ловя очередную порцию критики, я на глазах багровел. Отворачивался. Отводил глаза. Порывался выйти из машины. Поправлял зеркало заднего вида.

– Будь собой, приятель. В нашей книге важны детали...

– В нашей?

– Ну да, в нашей.

Я смотрел в светлое, серьёзное лицо ангела. И ведь ни одним мускулом не дёрнул, ни улыбки, ни черта... Серьёзен, как экономические новости.

– Ты хочешь сказать, что когда я напишу книгу и издам её, я должен приписать в соавторы ангела?

– Без балды.

Я застонал и кинул блокнот на заднее сиденье.

– Может, сам тогда и напишешь свою чёртову историю?

– Эй-эй, во-первых, не выражайся мне тут. Во-вторых...

Я сложил руки на груди.

– Что?

– Ну, ты знаешь...

– Ничего я, блин, не знаю! Я с ангелом сижу, который выклянчивает соавторство. И вообще, если сейчас кто-то пройдёт мимо тачки и увидит меня в ней, я ведь... ну... со стороны это выглядит так, будто я разговариваю сам с собой?

– Ты же со мной говоришь.

Я провёл ладонью по лицу.

– Тебя же не видно?

– Нет.

– Ясно.

– Что ясно?

– То, что я разговариваю сам с собой, и в соавторство в мою книгу напрашивается ангел.

...

– Так ты впишешь меня?

Из меня вырвался глухой смешок.

– А Господа Бога я могу приписать в соавторство?

– Нет.

– Это почему?

– Ты же с ангелом разговариваешь, а не с Богом.

Хм... хм... Я посмотрел на ангела и про себя подумал: «Чёрт, мне же ни за что не поверят, что я общался с ангелом. Он выглядит так, словно не знает, что такое расчёска. А ещё этот крючковатый нос...»

– Я умею читать мысли, – осёк меня ангел. Он поднял вверх палец, закрыл глаза и сказал:

– Кажется, я понял, с чего действительно стоит начать нашу историю...

Глава 2

– Да?

– Да... погоди, я выстраиваю сюжет.

Я приоткрыл форточку, впуская свежий осенний ветерок. Я любил сентябрь за его тёплые деньки, за то, как он раскрашивал листву на деревьях в ярко-жёлтый, за последние шашлыки в этом году... за...

– Всё, погнали. Записывай.

Я повернулся к ангелу.

– Блокнот бери.

Перегнувшись к заднему сиденью, я пальцами ухватил блокнот и пачку чипсов.

– Выброси эту гадость.

– Я есть хочу.

– Вот и поешь нормально, а это... – ангел сморщился, словно облизал шерсть мокрого котёнка. – Выкини.

«Ладно, быстрее начнём – быстрее закончим», – подумал я про себя и, открыв чистую страницу, стал ждать указаний.

– Пиши, почему ты стал избранным... Эй... Эй! Хорош ржать! Раз ты как-то меня видишь, значит, избранный!

– Я?... Ну да... да, избранный... Как же, вот так жил и не догадывался о своей избранности?!

– Так дело не пойдёт. Раз мы взялись за книгу, то соберись...

– Сдалась мне твоя долбанная книга! Я таксист! Таксист! Тебе о чём-то это говорит? Я баранку кручу восемь часов в день, какая тут избранность? Спина отваливается, животик вот вырос... – я показал на обтянутый майкой бугорок, – в глазах искры пляшут, если резко встану, пломба вот вылетела на заднем зубе... Таких избранных не бывает, понял?

Ангел улыбнулся.

– Вот так и запиши.

Я вздохнул. Ладно, не отвяжется же, пока не напишу. Я записал всё, что сказал до этого.

– А такси сколько водишь?

– Ну, четыре года... Точнее, через месяц будет четыре года.

– А зачем водишь?

Поёрзав на сиденье, я взял с подстаканника бутылку воды. Опустил ладошку на крышку и, не открывая, сказал:

– Потому что ничего другого не умею.

Пил я молча. Не знаю, понимал ли ангел смысл сказанных слов... По барабану... Причина у меня обычная, человеческая – безнадёга. Когда домой возвращаться тошно, а люди, которых я вожу на заднем сиденье, – это всё, что у меня есть. В такие моменты я живой, ощущаю потребность.

– ...и это напиши, – тихо сказал ангел.

– Зачем? Ты думаешь, все люди на своих местах? Тут каждый второй – юрист, потому что так хотел папа, или менеджер, потому что так хотела мама... или таксист, потому что так никто не хотел, но так вышло.

– Пиши, пиши...

Я уже не вздыхал, а просто писал. Да, жизнь у меня была бесцветная, пресная... но жизнь моя. Я как-то свыкся, привык и местами обустроился.

Живу один в однокомнатной квартире на окраине Барнаула. В панельке, где утром слышно, как соседка ложкой размешивает сахар, а вечером – как муж размешивает её.

Дома у меня попугайчик живёт. Волнистый, жёлтенький. Продавец обещал, что он говорить начнёт. Не начал... Может, не о чем ему со мной разговаривать?

В разводе. От первого брака остались дочь, алименты, проплешина на затылке и раз в год поздравление с днём рождения.

Попугай в курсе. Его, кстати, Гриша зовут. Но история про дочь его не трогает. Тронула бы – заговорил бы, так ведь?

Я Грише много чего рассказывал. И о том, как с друзьями связь потерял, и о том, как цены растут, и то, сё, пятое, десятое... А ему хоть бы хны... Вылупится своими глазами-бусинками, чирикнет и в зеркальце своё уставится.

Я вот в зеркало редко смотрю, а если смотрю, то с печалью на лице. Лицо моё, надо сказать, постарело. Морщинки вот на лбу и вокруг глаз вылезли... или они всё время там были, не знаю.

Щёки как щёки, к ним претензий нет. Разве что щетина, которую я так хотел, так и не проклюнулась... в отличие от морщин. Одно время я даже спреем специальным пользовался. Не помогло.

– Пу-пу-пу, притормози-ка тут, – вставил ангел. – Ты хорошо разогнался, но чего-то не туда... Ладно, про Кешу весело-задорно получилось, но про морщинки ты брось. Кремом бы увлажнялся или не заедал всё сахаром. Ты вообще в курсе, как сахар на старение кожи влияет?

– Вас этому в академии ангелов учат? – Я отложил блокнот, готовый к новому заходу на препирательства.

– Да ты что, друг мой, какая академия? В интернет выйди и почитай.

– Ты знаешь, что такое интернет? – ухмыльнулся я.

– А как же... Кто, думаешь, помог его изобрести?

– погоди... Я сейчас шапочку из фольги надену... Так, где она тут... – я потянулся к бардачку и стал копошиться внутри.

– Ладно, юморист, хватит. Начало положено. Что-то мы о тебе рассказали... но вот понимаешь... – тут ангел пощёлкал пальцами, – не хватает самого главного. Что-то же в тебе есть? Если ты не избранный и пресный, как недосолённый суп, то значит, в тебе есть что-то особенное? Крохотное, маленькое, скрытое от посторонних глаз... Вспоминай. Может, ну... тебе по голове били в детстве?

Я закатил глаза и стал думать... Всё-таки было кое-что особенное, и я продолжил историю.

Глава 3

- Не-не-не, я сам, дай угадаю... Как-то ты с лестницы упал и обрёл...
- Шишку? – закончил я за него.
- Да какую шишку! Если ты ангела видишь, значит, паранормальные способности открыл, и... Ты куда собрался? Мы же клиента ждём.
- Я открыл дверцу и сплюнул кисловатую слюну.
- Жрать я хочу... Жрать. Чипсы же ты есть не разрешаешь.
- «Хонда» завелась с надрывом, в салоне запахло бензином.
- Ладно, только недалеко. Тут скоро клиент появится.

Я не ответил. Мне уже довелось подвезти двух «клиентов» ангела, и, честно говоря, занятие то ещё... хм. О них я чуть позже расскажу.

– Тогда, может, ты активированного угля переел и активировался?... Нет? В школе тебя не обзывали? Рюкзаком по голове не били?... Что, тоже нет?

Я молча крутил баранку. До ближайшей шаурмы полтора километра.

- Сдаюсь, я не знаю, откуда у тебя способности... А может, у тебя мать ведьма?
- А вот это очень даже может быть, – ответил я.
- Вот видишь, и легенда нарисовалась. У тебя, кстати, цыганские черты лица, вот этот твой взгляд из-под густых бровей... Ты цыган?
- Перестроившись в крайний ряд, я сказал:
- Прадед грузином был.
- Хорошо-хорошо... А то имел я дело с цыганами, так в конце концов не они тебе, а ты им должен остаёшься.

Я краем глаза посмотрел на ангела... И ведь не поймёшь – серьёзен он или придушивается.

- Ну, а сам ты как? В книге же два главных героя. Сам как сюда попал?
- Книга хоть и наша, но главный герой я, а ты – второстепенный.
- Я заметил свободное парковочное место и аккуратно оставил машину.
- Мою историю так просто не расскажешь... Всё началось с...
- Я открыл дверь и вылез.
- Какого?! – раздался глухой возглас ангела за закрытой дверью.

«Пусть у второстепенного персонажа будут плохие манеры», – подумал я про себя и стал рассматривать меню.

Остановившись на грибной с сыром, сделал заказ. Протянул 150 рублей, отошёл от ларька и проверил колёса. Резина почти лысая, на протекторе подцепил заплатку ногтем... вроде нормально.

Встаю, подхожу к лобовому стеклу и вытираю салфеткой голубиный помёт.

– Готовэ.

Я развернулся и, подойдя, взял из рук продавца шаурму размером с локоть. Сажусь на бампер. Откусываю...

– Мою историю будешь слушать?

Ангел материализовался на крыше, свесив ноги на лобовое стекло.

Жую...

– ...Всё началось с того, что я перестал выполнять нормативы, стал замыкающим ангелом и брёл в конце списка столетия.

– А-а-аххх!

– Что?

– Горячо.

– Где твоё уважение? Ты общаешься со святым ангелом!

– Слезь с крыши, святой ангел, и вообще... Я второстепенный персонаж, как хочу, так и веду себя.

Ангел скатился по лобовому стеклу.

– Ладно, ты тоже будешь главным персонажем... Но я буду главнее!

Мы переглянулись. Я откусил крупный кусок, не сводя с него глаз.

– Рассказывай давай...

– Да, в общем, всё. Решили меня сослать в земной мир. Только вот... – ангел почесал затылок. – Я не совсем понимаю, почему именно сейчас и сюда... Ну то есть, пойми меня правильно, Барнаул – это вообще где? Ладно бы Москва, Питер... Там, говорят, интеллигенции много...

– Барнаул – центр мира, – жуя, сказал я.

– Вкусно?

– Пойдёт. – вытираю губы салфеткой. – Выходит, ты падший ангел, или как?

– Не упал я! Говорю же, сослали меня. И крылья мои отобрали. Вот и вынужден я с тобой околачиваться.

– Не хочешь – не околачивайся. Иди в свой Питер к интеллигенции.

Я одним броском закинул пакетик в урну.

– Если бы всё было так легко... – Ангел встал с бампера и вернулся на пассажирское сиденье.

Возвращался он, конечно, эффектно. Я и в школе законы физики не понимал, а тут такое... Он вообще сквозь стены проходит, но при этом его задницу как-то удерживает кресло. Как это работает – мне не понятно.

Я сел за руль и запустил двигатель.

– Есть у нас кое-что общее.

– Ну?

– В школе меня тоже оставляли на второй год как отстающего.

– И что было потом?

– Ну, в ПТУ пошёл. Может, тебе тоже в ПТУ для ангелов пойти?

Ангел почесал подбородок.

– А что такое это ваше ПТУ?

– Путёвка в Твою Удивительную жизнь.

– Ммм... Звучит неплохо, – ответил он.

Я взглянул на часы – 6:30... Через пять минут выйдет клиент ангела.

Глава 4

Клиентом стала девушка с заспанными глазами. То и дело зевая на заднем сиденье, она держала в одной руке зеркальце, а в другой – помаду, пытаясь накраситься.

– Заговори с ней... скажи, что её губы словно бутон цветка и всё такое, – подначивал ангел.

Молчу.

Светофор замигал, и я чуть было не выехал на красный. От резкого торможения девушка выронила зеркальце.

– Ой, простите.

– Ничего, всё нормально.

Подняв с пола зеркальце, она два раза чмокнула губами, проверяя... Не знаю, что там проверяют девушки, чмокая губами. Мизинцем левой руки аккуратно что-то стёрла.

– А вы куда так рано?

– Я говорю, комплимент ей скажи, а не допрос устраивай, – прошипел ангел.

Девушка с безучастным видом смотрела в окно.

– Сейчас не гони. Едь размеренно и не торопись. Каждая секунда на счету.

Я кивнул ангелу, включил первую передачу, тронулся.

– Ну так куда?

– На собеседование.

– В 6:30 утра?

– Вообще, в 7.

– А-а-а...

– Вот сказал бы комплимент – не попал бы в такую дурацкую ситуацию, и «а-а-а-аать» бы не пришлось.

Я сжал руль.

– Красивые у вас волосы.

Делаю вид, что не замечаю ухмылку на лице ангела.

– Спасибо.

– У тебя пульс подскочил, шаурмой, что ли, траванулся?

– Отстань.

– Что, простите? – спросила девушка.

– Говорю, отстаём или нормально всё?

Девушка посмотрела на часы, расправила на коленях бежевую юбку и сказала:

– Нет, всё нормально.

– Не газуй, медленнее едь, чего же не понятно, надо, чтобы она опоздала.

«Кому, блин, надо?» – подумал я про себя.

Вот так уже третий раз ангел не вводит в курс дела и ставит перед фактом.

«Как я, блин, её опоздаю? Кружить, что ли, вокруг адреса начну?»

– Именно, – прочитав мои мысли, ответил ангел. – Сверни на другую дорогу. Вот тут давай...

Я резко взял вправо. Посмотрев в зеркало заднего вида, заметил, как девушка нахмурила лоб.

– А разве не по Ленина было быстрее?

– Нет, там сначала быстро, а потом в пробку встанем.

Проехав два квартала, я упёрся в преграждающий путь шлакоблок с табличкой «Ремонт дороги». Сдавая назад, я развернулся и почувствовал запах её шампуня.

– Жди... жди... жди...

Я ждал, чувствуя, как потеют ладошки, и в тот момент, когда решил выехать из двора, мигая аварийкой, выехал мусоровоз и перегородил проезд.

– Отличненько, – ангел потёр ладони.

Мусоровоз еле двигался, то тут, то там останавливаясь, чтобы очистить уличные баки.

– А вот теперь я опаздываю.

Я скосил глаза на зеркало заднего вида.

– Да скоро домчим, тут же рядом.

Дверь открылась, и девушка вышла. На сиденье она оставила 300 рублей и быстрым шагом пошла через дворы.

– Дело сделано.

– Дело? Сделано? У нас город маленький, такими темпами всю клиентуру потеряю!

– Ты на задании. Это важнее любой клиентуры.

– Ну-ну, задании... – я почесал затылок, наблюдая, как бедный мусорщик бежит за следующим баком. – Мне хоть приплатят? У вас там, на небесах, деньги есть? Или чем вы там расплачиваетесь за небесную шаурму?

– Кармакоины. Слыхал о таких?

– Нет.

– Вот и бедный ты человек, раз не слыхал.

Я потянулся к сиденью и забрал 300 рублей.

– Так в чём, собственно, задание заключалось? Ну, опоздает она, дальше что?

– О-о-о-о...

– ?

– Дальше всё. Жизнь другая будет у неё.

– Почему ты говоришь, как магистр Йода?

– Кто?

– Йода.

– Кто?

– ...Забей, – я открыл кошелек и сделал его толще. Слегка толще, на три купюры.

– Ладно, человек, давай я расскажу тебе о том, как функционирует этот мир, и да пребудет с тобой сила.

– Внатуре Йода.

Я хмыкнул и припарковался.

Глава 5

- Теперь пойдём.
- Что? Куда? – я нехотя вылез вслед за ангелом. – Ну?
- Доверься и за мной.

Ангел быстрым шагом пошёл ко двору пятиэтажки.

Двор как двор. Ржавая горка, качели с выданными сидухами, покрывки в форме лебедей вокруг клумб. Лавочки, подъезды. Лавочки, подъезды.

- Куда мы идём?
- Ч-ш-ш!

Услышав, как сзади крадётся автомобиль, я встал на бордюр, давая возможность «Ниве» проехать... и пройти сквозь ангела.

Свернув направо к одному из подъездов, ангел прошёл сквозь дверь и... пропал. Я постоял, потоптался на крыльце, прочитал несколько объявлений, ещё раз потоптался...

- А ты куда это собрался? – раздался противный, как скрежет мела о доску, голос старухи.
- Я-то?
- Ты, ты! Какие тут знакомые живут? Я тут всех знаю.
- Голос старухи доносился из зарешечённого окна первого этажа.
- Курьер я.
- Давай, что там принёс, я передам.
- Я уже начал лихорадочно что-то придумывать, как дверь домофона приоткрылась.
- Я нырнул внутрь, услышав за закрытыми дверями:
- Наркоманы ё**ые!
- Ты чего так долго? Меня чуть бабка не съела.
- Проверял кое-что. Пошли.

В подъезде пахло затхлостью, а из приоткрытой двери, ведущей в подвал, тянуло сыростью.

Оказавшись между третьим и четвёртым этажом, ангел подошёл к окну и указал на него. Я взглянул в оконную раму.

- Что тут?
- Присмотрись.

Я присел на корточки. Вся рама вдоль швов была напигована окурками. Я уже хотел повернуться, как увидел раскачивающуюся от порывов воздуха паутину. Паука на месте не было.

- Так и что? Паутина и паутина.

Ангел тоже сел на корточки рядом, потёр руки, словно хотел согреться, и, направив открытую ладонь на паутину, зажёл мягкий свет.

- Никогда не задумывался, почему паук плетёт такой узор?

Я всмотрелся в рисунок. Он был... он был удивительным. Не то чтобы я никогда паутину не видел, просто впервые придал значение её узору. Он не был идеальным, но всё же смотрелся целостным. Каждая паутинка сплеталась с другой, и все они тянулись к сердцевине...

– Внимательнее... – прошептал ангел.

Я подвинул лицо ближе, но не слишком – на случай, если паук вылезет и решит на меня прыгнуть.

Интересно... Сердцевина сплетена как закручивающаяся спираль, не идеальный круг, а именно спираль.

– Одинаковых паутин не бывает. Все они обладают своим индивидуальным рисунком. И разница...

Ангел сделал ещё один неопределённый жест рукой, и паутина начала расплетаться, будто кто-то поставил видео на перемотку назад.

– ...и разница в том, откуда и куда тянется паутинка. Эти изменения на первый взгляд незаметны. Как и человеческие поступки: в моменте не понять, что изменилось, но будь уверен – узор твоей жизненной паутины стал другим.

Ангел встал, я поднялся следом.

Паутина осталась прежней, фокусы с визуализацией пропали. Из щели в оконной раме показался паучок. Не знаю, смотрел ли он на нас, но я смотрел на него точно. Знал ли он, какой урок нам преподал? И был ещё один вопрос, который меня интересовал. Его я решил задать вслух:

– А так ли важно самому пауку плести паутину, зная, что она уникальна?

Ангел взял паузу и заговорил только тогда, когда мы подошли к машине.

– Паук не задумывается над уникальностью рисунка. Он просто плетёт и плетёт свою паутину.

– И?

– Опоздав на собеседование, девушка незаметно для себя переплела свой жизненный узор. Теперь понятно?

Я сел за руль. В машине всегда чувствуешь себя безопаснее.

– Слушай, а ты записать это в свой блокнот не хочешь? И-и-и... мы с тобой во всей этой истории забыли одну маленькую деталь.

– Это ещё какую?

Ангел улыбнулся, приподняв одну бровь...

Глава 6

– Мы же тебя не описали...

– Меня что?

– Вот смотри. Читатель погрузится в историю, а как он тебя визуализирует? – спросил ангел.

– Да я-то откуда знаю, я таксист, а не писатель, – отложив блокнот на колени, я посмотрел в боковое окно.

– Ладно, ладно... Давай попробуем вместе. Ты это... в вашем земном мире пользуешься успехом у противоположного пола?

Я замялся. Как сказать... вроде да и вроде нет... если выпить – да, а если нет...

– Запиши, что герой у нас средненький. Не красавец, но и не урод.

– Сам ты средненький!

– Пиши. И вообще, как тебя зовут?

Я взялся корябать ручкой в блокноте.

– Мне представлялось, что ангелы всё и так знают.

– Так как?

– Ну, Гриша.

– Как попугая, что ли?

– Это попугая как меня. Я его в свою честь назвал.

Ангел присвистнул.

– А ты не промах, парень. Ладно... Опиши там свой нос, глаза, брови, лоб – всё, что нужно, чтобы читатель тебя представил.

– Да я-то как это сделаю? Ты издеваешься?

Ангел потянулся и открыл зеркальце.

– Вот смотри. Что видишь – то и пиши.

У меня голова шла кругом. Что вижу... что вижу... Я с этим лицом 31 год живу, но характеристику ему давать не научился.

– Нос как нос, лоб как лоб... Как это описывать?!

– Ладно, давай упустим эту деталь и обыграем так... – ангел зыркнул на меня. – Блокнот открывай и пиши.

Я повиновался.

– Он был обычным парнем с ничем не примечательной внешностью. Конец.

– Как-то скучно.

– Так это ты с этим лицом живёшь, не я.

Я поджал губы.

– Слушай, ангел, а ты сам-то что? Красавец? Выглядишь как взлохмаченный студент из богатой семьи, лицо такое аристократическое, словно со статуи сошло.

– Так не говорят.

– Что не говорят?

– «Словно со статуи сошло».

– А-а-а-а!

– Успокойся.

Я взял бутылку и стал пить. Вытерев рот рукой, взглянул на блокнот. Несколько капель упало на бумагу, и чернила на словах «Он был обычным парнем» расплылись.

Я поднял глаза и завизжал, ударившись головой о стенку двери.

– Что, сладкий, испугался красивой женщины?

Я несколько раз моргнул, протёр глаза. Моргнул ещё раз. Передо мной сидела нарисованная красotka из моего любимого детского фильма «Кто подставил кролика Роджера». Знойная рыжая красавица с большими буферами. Она вся светилась и выглядела реальной, насколько могут выглядеть реально нарисованные персонажи.

– Я могу принимать внешность кого угодно. Хоть дельфина, хоть покемона, – и тут его лицо стало меняться с немыслимой скоростью, будто внешность – это скины в игре: крутишь колёсиком мыши и примеряешь на себя любую. На миг мне даже показалось, что я увидел Джареда Лето из 30 Seconds to Mars. Наконец внешность вернулась к привычному мне взлохмаченному студенту.

– Так что не парься, описывать мою внешность – пустая трата времени.

– Знаешь, что будет, если в книге я упомяну, что ты на миг становился дельфином или покемоном?

– И что же?

– В комментариях под книгой появится: «Автор, что ты куришь?»

– А ты куришь что-то?

– Нет. Бросил. На зубах плохо сказалось.

– А-а-а-а...

– Тогда оставим тебя взлохмаченным студентом, а меня...

– Мужчиной с ничем не примечательной внешностью, – закончил за меня ангел.

– У меня вот есть шрам на брови, – зачем-то сказал я.

– Ну это всё меняет! Теперь у тебя примечательная внешность, и у читателя сложится о тебе полное представление. А если не сложится – так фантазия дорисует.

В машине воцарилась тишина. Через закрытые окна было слышно далёкую сирену.

– Слушай, а ты реально можешь любую внешность использовать?

– Проще простого, Гриша – отец попугая Гриши.

– Хватит...

– Ну это забавно: Гриша с ничем не примечательной внешностью называет волнистого жёлтого попугайчика Гришей. Кстати, хочешь, приму образ большого попугая?

– Эх, закурить бы сейчас...

Ангел расхохотался, и мы поехали встречать следующего «клиента».

Глава 7

Следующий клиент появился примерно так...

– ТОРМОЗИ! – заорал ангел.

Я вдавил педаль тормоза.

– Чего ты орёшь-то? Я так оглохну! – засунув мизинец в правое ухо, я стал терзать ушную раковину.

Сзади протяжно засигналили. Я махнул водиле: мол, проезжай.

– Сейчас выйдет толстяк. Его нужно подбросить.

– Толстяк? – смутился я.

– Ну.

– Как-то ты не по-ангельски выражаешься...

– Имел дело с другими ангелами?

– Ты понял, о чём я.

Сзади ещё раз посигналили, и я, поставив на аварийку, прижался к обочине.

– Гриша, Гриша... нужно называть вещи своими именами. Если человек толстый, я назову его толстяком. Так коротко, ясно и... для протокола. Блокнот бери.

Я послушно взял блокнот и ручку.

– Все эти рассказы о том, что надо быть деликатным и аккуратно подводить людей к изменениям, не ра-бо-та-ют.

– То есть?

– Если бы работали, толстяк давно бы сбросил десяток килограммов. Но, знаешь, пломбир, политый джемом, слаще любых устремлений похудеть. Так что толстяка буду называть толстяком. Или жирдяем.

– Так от нас отвернутся читатели с лишним весом.

– Ты хотел сказать толстяки?

Я поджал губы. Втайне причислял себя к клубу начинающих толстяков... Ну, то есть выросший животик и майка в обlipку как бы вписали меня в этот клуб любителей «есть после шести». И меня этот бесячий ангел раздражал.

– Вот это хорошо! Эмоции! Я вызвал в тебе эмоции! Не хочешь, кстати, хот-дог с майонезом?

Ангел резко сменился в лице и принялся всматриваться в толпу на тротуаре.

– Вот он, наш бегемотик. Вот он!

Я посмотрел в указанном направлении. Действительно, навстречу шёл весьма упитанный мужчина. У него не просто кость широкая – в его теле трое здоровенных мужиков поместятся.

– Не уверен, что он влезет... – робко начал я.

– Поместится, поместится! Давай, догоняй и фарами сигналъ.

Я сдал назад и поравнялся с мужчиной.

– Подвезти?

Тот промокнул платочком влажный лоб. Даже отсюда слышно было, как он громко дышал ртом.

– Понастойчивее, – велел ангел.

– Садитесь, я подвезу.

Мужчина оценивающе посмотрел на машину. Так смотрят посетители обувного, когда продавец приносит туфли на размер меньше. Я высунул руку и шутливо хлопнул по крыше:

– Давайте!

Тот шумно вздохнул, спрятал платочек и зашагал к машине. Нагнувшись ко мне, кивнул на пассажирское сиденье, где сидел ангел:

– Надо его подвинуть.

– С удовольствием.

Я был рад, что появился шанс поглумиться над ангелом. Взялся за сиденье и пододвинул его вплотную.

– Удобно? – спросил я, пока мужчина обходил машину.

– Первый класс, – кисло улыбнулся ангел.

Дверь открылась, и на заднее сиденье упал пассажир, заставив машину тяжело осесть.

– Куда вам?

– Сухобатора.

Мы отъехали.

Я начал беспокоиться, выдержат ли шины, и лишний раз не разгонялся.

В салоне быстро сгустился запах пота. Я попытался открыть форточку. Кнопка заела.

Ангел оскалился:

– Наслаждайся.

Я, чтобы чем-то занять руки, включил магнитоу.

«Устали от лишнего веса? Ха! Кто же не устал! Носите на себе эту ношу, а спрашивается – зачем?!» – полился из динамиков бодрый голос диктора.

Я вспотел и принялся лихорадочно менять радиостанции.

«Приветствуем вас на шоу "Толстяки навyleт"! Сегодня мы будем кормить конфетами всех желающих, пока они не вылетят!

Я судорожно тыкал в кнопки, пытаясь выключить радио. Ангел смеялся. Открыто. Заливисто. Кнопки не слушались. Громкость не убавлялась. Оставалось только осторожно ехать и переключать станции...

«По вашим многочисленным просьбам: Uma2rman – «Эй, толстый»

Эй, толстый, эй, толстый, эй, толстый, эй, толстый...

Я, я, я целыми днями лежу на боку.

Съедаю в минуту по окороку...

– Твою мать... – осторожно поглядывая в зеркало заднего вида, я всё больше вжимался в водительское кресло.

– Это розыгрыш, что ли? – спросил пассажир.

Я вновь принялся крутить ручку настройки радио.

«Все ждут таблетку от похудения? Но главная таблетка – это стремление похудеть. Только такую таблетку не продать. В нашу студию мы пригласили эксперта и врача городской больницы Глеба Михайловича Приходько, чтобы поговорить о массовой эпидемии ожирения...»

– ТАК ВСЁ! А ну остановитесь! – рявкнул мужик.

– Остановись, остановись, – велел ангел.
– Тут нельзя, давайте на остановке.
Я снова крутанул ручку.

«Вы знаете, я очень деликатна к вопросу лишнего веса, и всё же... эти складки на животе меня доканывают!» – ведущая следующей радиостанции вбила последний гвоздь в терпение пассажира.

Казалось, он достиг пика. Цвет его лица напоминал ташкентские помидоры, и я был уверен: он вот-вот взорвётся. Я крепче сжал руль – на случай, если произойдёт что-то непредвиденное.

Впереди показалась остановка, которую перегородил старый, пытящий выхлопными газами «ПАЗик».

Радиостанция снова переключилась:

«ЖИР – это эпидемия, и с ней нужно бороться всеми доступными способами!» – визгливо выкрикивал из динамиков очередной голос.

Не дождавшись, пока я припаркуюсь, пассажир дёрнул ручку двери и вывалился наружу. Моя «Хонда» в припадке качнулась.

Я проводил его взглядом: он карабкался по ступенькам автобуса, тяжело дыша. И в этот момент я сгорел от стыда. Мне было неловко. Больно. Я задел его, заставил чувствовать себя униженным.

– Ты добрый поступок сделал, – заметил ангел.

Я не ответил.

Всю жизнь меня учили: если у человека лишний вес – у него проблемы. Смеяться над этим плохо. И вот теперь... лицемерие зашкаливало. Я был готов заорать на ангела, вступить за этого мужика... И в тот момент, когда я уже набрал в лёгкие воздуха, моя щека вдруг вспыхнула от внезапной пощёчины.

– Какого?..

– Какого, какого?! – передразнил ангел. – Ты чего комедию ломаешь?! Толстяки-читатели уже от тебя отвернулись, всё, баста! Поздненько метаться! Давай-ка я тебе объясню, в чём тут золотое правило...

И он объяснял. Доходчиво объяснял.

Правда не просто колола глаза – она резала по живому. Не мешкая. Не стыдясь. Уверенная рука изрубила моё эго на части. Я чувствовал себя толстенькой рыбкой, попавшей на разделочную доску японского суши-повара. И вот нож заносится для очередного удара...

Глава 8

– Усёк? – небрежно бросил ангел.

Я качнул головой. Нехотя. С грустью... с презрением к лёгкости, с которой он излагал столь простые мысли.

– Так записывай. Я что, по-твоему, магнитофон с функцией повтора? Давай корябай, не жалея чернил.

Я нехотя потянулся за блокнотом и тут на заднем сиденье увидел пропитанную потом спинку. Это был овал, и пах овал соответственно.

На этот раз окно поддалось и со скрипом съехало вниз, вмиг наполнив салон запахами с улицы.

– Что уяснил?

– Что дать бы тебе в рог от лица всех людей, страдающих лишним весом.

– А ну выходи! Потанцуем как следует.

Дверь открылась, ангел вышел на улицу и, как задиристый хулиган, стал манить меня рукой.

– Выходи, борец за лишний вес. Я уделаю тебя так, что родная мать не узнает!

Я устало посмотрел на ангела. Затем перегнулся, закрыл пассажирскую дверь и отъехал.

– Вот ты, значит, как? – ангел материализовался рядом и, потянувшись за рычажком, отодвинул кресло на прежнее место. – Как пришло время отвечать за слова, так дёру дал?

– Знаешь, мне вот кажется, что во мне эмпатии и выдержки больше, чем в тебе.

– Ну да... Ты у нас святой. Ты вообще знаешь, что такое эмпатия? Разбрасываешься словами, а смысла не понимаешь. Я самый эмпатичный ангел, и сейчас я тебе докажу... Бери блокнот.

– Не могу. Я же еду.

– Припаркуйся. Куда ты вечно едешь?

Шумно выдохнув, я встал под знаком «Не парковаться».

– Следи за мыслью. Я не вкладываю в слова «толстый» или «жирдяй» зла. Это вы, люди, решили сунуть в рот кляп под названием «толерантность». Или приличие? Или воспитанность? Или всё это вместе? Или просто желание казаться «славным парнем»? Никто не любит правдорубов – их сжигают на костре. Но проходит время, и о Джордано Бруно вспоминают как о мученике за правое дело. А правое дело там, где есть правда. Так что, когда я называю толстых людей толстыми, я прав. Я не ищу уменьшительно-ласкательные слова, чтобы не задеть мягкотелую душу толстяка. Я говорю, как есть: он толстый. И если мои слова доходят до адресата, его наконец торкает, и весь ворох толерантности слетает... Ты опять не записываешь?!

– Записываю-записываю... – я с виноватым видом пишу, что успел запомнить.

– Тело человека – храм. Если он гадит в него, то я не стану его уважать, раз он себя не уважает. С лишним весом приходят болезни, тело сначала тихо просит, затем шепчет и, наконец, орёт во всё горло: «ХОЗЯИН, МНЕ ПЛОХО!» Но хозяин заедает стресс, закидывая в себя всё новые и новые калории, чтобы на крохотный миг почувствовать себя счастливым.

Я почесал затылок. Было непривычно слышать такие яростные речи от ангела.

– Пойми, чувство стыда – пассивная позиция. Ты молчишь, потому что это социально приемлемый поступок. Так правильно. Так хорошо... Но хорошо для чего? Чтобы не конфликтовать? Но ведь во время конфликта можно достучаться до человека! Пошатнуть его уверенность в том, что «хорошего человека должно быть много». Что это вообще за ерунда? А плохого человека должно быть мало, так?

– Да ладно тебе... – я втянул живот. – Это ведь дело каждого. Хочет – пусть ест, тебе то какая разница?

– Мне? Я ангел, ты забыл? Я действую методами, которые работают.

Я дописал последние строки и задумался. Это ведь не личный выпад в сторону того пассажира... Нет, это обращение к самому понятию обжираловки – бездумного потребления.

– Допёр наконец?

Покусывая колпачок от ручки, я посмотрел на записи.

– Всё-таки это жестковато.

– А умирать от закупорки сосудов и сердечного приступа – это не жестковато?

– Ладно, меня ты убедил... Посмотрим, убедишь ли остальных.

– Послушай, любитель шаурмы. Я пришёл сюда не для того, чтобы нравиться всем. Я пришёл затем, чтобы через тебя достучаться до тех, кто готов слушать. А кто не готов – он просто пойдёт и закажет себе картошку фри и гамбургер. Для него мои слова – фон, пустой звук. Он для себя решил, как жить, и живёт себе.

Перегородив выезд, сзади встал эвакуатор.

– Ладно, – я отложил блокнот и стал выкручивать руль. – Как же тогда генетика? Проблемы со здоровьем? Человек не всегда виноват в своём лишнем весе.

– Ещё одно заблуждение. Знаешь, я понимаю, почему попал к тебе. Ты – зеркало этого мира, и вопросы у тебя как на подбор. Слушай и вникай.

Глава 9

А слушал и вникал я долго. Весь остаток дня можно представить в виде склеек.
Я дома, забрасываю на тумбочку ключи... ангел вкручивает в уши новую порцию заумных речей.

Я разогреваю в микроволновке суп... ангел встаёт на табурет и распыляется будь здоров.
Я чищу зубы... он чешет языком, устроившись в ванной.
Я ложусь спать, закрыв голову одеялом... он продолжает одиссею против жира.

- Хватит... у меня голова сейчас взорвётся.
- Пф... я только начал.
- А я закончил. Дай поспать... эй! – одеяло сползает к ногам.
- Ты спишь по десять часов в день и весь такой уставший.
- Я молча пробую вырвать из его ангельских рук одеяло.
- У тебя миссия, ты забыл? Мы несём благую весть и всё такое.

Встаю. Пружина на диване впивается в ягодицы. Щёлкаю выключатель на ночнике.
Блокнот с записями летит мне в грудь, раскрывшись на последней странице, где я закончил.

- Давай мысль закончим – и спи сколько влезет. – говорит ангел.
- Протираю глаза. Беру ручку.
- Тела. Ты никогда не задумывался, почему одни запускают их, а другие ухаживают за ними?
- Что, так и записать?
- Нет, это я вопрос тебе задал.
- Провожу по лицу раскрытой ладонью.
- Да мне почём знать?
- Ну вот ты. Что скажешь насчёт себя?

В бледном свете лампы я взглянул на своё пузо, рыхлую грудь с пучком волос посередине.
Ещё раз делаю попытку натянуть одеяло... не поддаётся.

- Не знаю. Не парит это меня. Какая разница, если я... один.
- Ангел качнул головой. Взялся за стул и уселся напротив меня.
- То есть, будь ты не один, ты бы занялся собой?
- Ну.
- Что «ну»?
- Не исключено.
- А как это связано? – напирал ангел.
- Чтобы нравиться партнёру.
- А себе нравиться не хочешь?
- На хрена я твой блокнот взял? Ты меня только унижаешь своими вопросами... – откидываю блокнот и валюсь на диван.

Что-то резкое и сильное, как дуновение ветра, подхватывает меня сзади, и я, как неваляшка, снова усаживаюсь.

- Мы о тебе говорим, чтобы читатель увидел себя со стороны.
- Ладно.
- ?

– Что?! ... Себе нравится? Да не знаю я... свyksя, привык! Всё-таки я – это я, и мне с собой жить, вот и всё.

Скрестив на груди руки, я отчётливо почувствовал запах пота из-под мышек.

– Хочешь, открою секрет?

Я посмотрел на ангела.

– Мой Отец дал вам тела для того, чтобы вы реализовали себя. Исполнили свой долг.

– Это какой же?

– Быть счастливыми. Если тело тебе помогает в этом – значит, всё хорошо. Если нет... начини меняться. Никто не говорит, что нужно запереться в спортивном зале и заниматься до изнеможения. Нет. Здоровье там, где нет надрыва, нет перекоса в одну из крайностей, и проверить это можно легко.

Я записывал.

– Само понятие тела должно уходить на второй план во время действий. Если ты идёшь по лесу, ты не страдаешь одышкой, в боку не колет – ты растворяешься в лесу. Если ты занимаешься сексом, ты не рискуешь получить сердечный приступ – ты соединяешься с партнёром. Если ты играешь с ребёнком, ты не падаешь мешком от усталости – ты высвобождаешь своего внутреннего ребёнка и отдаёшься веселью. Вот для этого нужно обладать здоровым телом. Не для самолюбования перед зеркалом и не для спортивных наград. Нет. Это крайности, и они так же ведут по ложному пути. И говоря о генетике и предрасположенности к полноте, человек как бы сбрасывает с себя ответственность. Сила там, где есть ответственность. «Родители толстые – вот и я стал толстым» – и тянуть такую лямку проще простого. Единственное, к чему расположен человек, – это к неверным выводам. К выгодному заблуждению, которое скрашивает его блеклый, серый мир. Поменяйся. Не держись за старое. Выкинь ты эту лямку и скажи себе: «Я не мои родители, я не набор предрасположенностей...»

Закончив писать, я посмотрел на ангела.

– Всё, хватит. А теперь пусть тебе приснится сахарная вата, река из газировки и шоколадные пончики. Спокойной ночи.

Свет на ночнике погас, и комната погрузилась в темноту.

Да вот только сон всё никак не шёл. Слова ангела задели меня, затронули самолюбие.

Наверное, этого он и добивался. В его, на первый взгляд, грубости я разглядел заботу и любовь. Странную, конечно, но любовь.

Я томно зевнул и, наконец, уснул.

Глава 10

Ледяные струи хлынули из душевой лейки.

Я заверещал, взяв кран на удушающий. Не слушается.

Вжимаясь в кафельную плитку, отползал к шторке.

От неожиданности сердце чуть не исполнило свой последний танец.

Дёргаю за шторку. На закрытом толчке сидит ангел. Подбрасывает вверх теннисный мяч.

– Закаляйся.

Пятки пробирает холод ледяной воды.

– Это полезно.

Пупырышки на коже не согласны.

– Давай, подставь тело воде.

Я скукожился, сморщился, собрался в единый комок несогласия. Зубы стучали.

– Давай же... – кидает в лоб мячик.

Со злостью закрываю шторку.

От ледяных струй веет угрозой, они представляются лезвиями, и стоит мне встать под воду – как тут же свалюсь замертво.

– Ну же, – раздаётся за шторкой.

Закрываю глаза. Сжимаю кулаки, делаю шаг... точнее, мне кажется, что делаю шаг, на самом деле оставаясь на месте.

– Не могу.

– Всё ты можешь.

Что-то толкает меня в спину, и, скользя пятками по кафелю, я оказываюсь точно под струями воды. Ор скребётся по горлу, отражается от сантехники, мчится по трубопроводу, пугая соседей.

– СТОЙ!

Я не могу пошевелиться, этот ангел отключил во мне всё, что позволило бы отойти.

Принимая на грудь, спину, затылок ледяные иглы, кожа распыляется, взрывается, искрит, наполняя тело... бодростью? Лёгкостью? Кайфом?... Чёрт, я не могу зацепиться ни за одну характеристику. Я в невесомости. Тело вдруг воспарило и стало таким лёгким, приятным, что ор уже не вылетает наружу. Я как бы ору, но внутри себя. И этот возглас напоминает восхитительный, победоносный крик.

Я поднял лицо, подставляя струям лоб, нос, щёки, веки.

Это не передать словами. Мой куцый язык описаний не подходит. Я не мог думать, сообщать – просто тихо хихикал, давая воде сделать всё остальное.

Затем кран закрылся, а вместе с ним и вода. Из душевой лейки сходили последние капли.

Меня трясло. Знобило, зубы всё так же стучались друг о друга.

Я посмотрел на кожу, покрытую пупырышками. Было так хорошо, что, когда в голову прилетело скомканное полотенце, я растерялся.

– А теперь растирайся.

Обернувшись полотенцем, я вышел.

Ангел подкинул мячик, и я поймал его на лету.

В зеркале на меня смотрел я. И не я одновременно. Это был незнакомец, по случайности надевший мою личину.

– Ну как?

Я качнул головой.

А как ещё? Потрясно? Восхитительно? Великолепно? Это было всё вместе и по отдельности.

Мы вышли в коридор.

Я подошёл к окну, оставляя на полу влажные следы от пяток. Опершись о подоконник, впервые увидел мир за окном иначе. Как бы объяснить... Раньше он казался пёстрым пятном – прохожие, проезжающие автомобили, деревья, кусты, тротуар... А сейчас всё разъединилось, и я видел части этого мира по отдельности.

– Вот это тебя таращит, конечно.

Глазами безумца я уставился на ангела.

– Что это было?

Нет, я знал, что такое облиться ледяной водой, и уж тем более мне известен контрастный душ... Но то, что я испытал, было абсолютно иным. Это был кайф, залпом ударивший в мозг и нервную систему. Я подсел. Подсел моментально. С этого момента я мог причислять себя к наркоманам – я не прочь торчать от ледяного душа.

Ангел расхохотался, а когда закончил смеяться, сказал:

– Признаюсь честно, мне пришлось подкрутить твои ощущения. Ты, так сказать, с первого уровня закалки перепрыгнул сразу на пятый. И весь секрет в ритуалах.

Меня пулей унесло за блокнотом. Когда я схватил его и принялся писать, мир закаливания открылся для меня совсем иначе...

Глава 11

– Всё сводится к тому, что вы, люди, пользуетесь телом как придётся. Как научились, так и пользуетесь... В этом и есть основная загвоздка. Там, – ангел указал в потолок, видимо, подразумевая этаж выше, ну или небо, – мне всё видно. Вы неправильно ходите, сидите за столами, справляете нужду в туалете, спите, едите... да что там, даже дышите вы неумело. Но вас... – тут его палец упёрся в меня. – По большей части это устраивает.

– Не пойму... – я отложил ручку и поправил клеёнку на столе. – Мы же говорим про закаливание, разве нет?

– Разве нет? – передразнил ангел. – Мы говорим о жизни, а точнее – о подходе к ней. Как много душ, приходя в этот мир, потеряны? Прозябают, проматывая день за днём, год за годом, а потом возвращаются на небеса, так ничему и не научившись. Вопрос: жил ли он или отматывал срок? Точка А – рождение. Точка Б – смерть. А что было между ними? Прямая линия. Вот что нужно писать на надгробных плитах. Имя, дата смерти и прямая линия. Так честно. Так жизненно.

Я попытался вернуть инициативу в свои руки:

– Возвращаясь к закаливанию...

– Возвращайся.

– Ну, я и возвращаюсь... Чего это у тебя взгляд такой?

– Какой?

– Ну, с придурью.

– Это как?

Попугайчик Гриша протяжно чирикнул из соседней комнаты, видимо, хотел поддержать беседу. И тут меня осенил совершенно стыдный вопрос: понимает ли ангел птичий язык? Не то чтобы конкретно Гришу, а вообще... Но я вовремя себя остановил. Закаливание... закаливание... закаливание.

Ангел почесал переносицу, дёрнул плечами и сделал вид, что всё нормально, насколько может быть нормальным разговор между ангелом и человеком.

– Ты на собственной шкуре ощутил, что такое изучение такого явления, как закаливание. Изучение – это ведь что? Ты берёшь обыденное действие, как, например, намыливание тела и смывание водой, так?

– Ну?

– А потом задаёшь себе вопрос: и это всё?

Я встал со стула и набрал в чайник воды.

– А что ещё нужно от душа, как не гигиена?

– ВОТ-ВОТ! Об этом я и говорю! – снова расплылся ангел. – Решив одну задачу, вы не идёте дальше. Да, душ решает вопрос гигиены. Жопки, письки намылили? Запах убрали? Ну, вот и славненько... Однако омовение в некоторых религиях – символическое очищение при помощи воды. И не просто так. Первый уровень – ты счищаешь внешнюю грязь. На втором уровне – внутреннюю.

Потыкав кончиком ручки в блокнот, я задумался. Всё же ощущения были ни на что не похожие. Я словно заново родился.

– Именно. Каждый день есть новое рождение. Сон – маленькая смерть, пробуждение – возврат к жизни, а закаливание напоминает тебе об этом. Давай объясню... – чайник вски-

пел, и от носика повалил густой пар. – Заваривай, заваривай, я подожду. Мы ведь никуда не торопимся, и читатель может позволить себе визуализировать твои действия. – ангел, изменив голос, деловито стал озвучивать мои действия. – Он быстро вскочил со стула, скрипнул дверцей шкафа, достал коробочку с чаем, зачем-то понюхал, почесал ягодицу и закинул пакетик в кружку...

– Прекрати.

– Залил кипятком, превратив воду в чай. Чем не чудо?

Булькающая пакетиком, я поглядывал на ангела:

– Вы там, на небесах, ничем таким не балуетесь?

– М?

– Ну, там, пьёте что-нибудь?

– Пьём.

– Что?

– Что-то пьём. Но точно не это поило, смутно напоминающее чай.

Я крутанул верёвочкой чайного пакета вокруг ложки, нещадно выжимая последние капли.

– Не скажешь?

– Это имеет отношение к закаливанию?

Отпил... горячо.

– Во время закаливания нервная система фокусируется только на одном – выживании. А значит, все остальные мысли отбрасываются как несущественные. Тело само знает, что существенно, а что только кажется таковым. Мысли чистые, ты фокусируешься только на ощущениях, испытывая калейдоскоп эмоций. Первое – это «холодно и неприятно». На этом этапе обычно всё и заканчивается. Если неприятно, значит, идти туда не стоит. Мозг тормозит, мозг бьёт тревогу: «Остановись, хватит, мне больно!»

– У меня мозг не говорит, он визжит, не жалея сил... – подношу чай к губам... Нет, ещё горячо.

– Ты понял.

– Всё, всё, не перебиваю.

– А «дискомфорт» – это заглушка. Считаю, дверь. Пройди её, и ты перейдёшь на следующий уровень. Будешь наблюдательным – и заметишь, как меняется твоё ощущение. А в наблюдении и постижении увиденного кроется сила.

– Ты не ответил на вопрос... Я давно пробовал контрастный душ, это было иначе...

– Ладно, дело вот в чём. Ты испытал то, что должен был испытать при правильном подходе к закаливанию, а не бездумное ледяное терпилово. Чтобы ты понял, что произошло, я расскажу историю...

Не знаю, что сделал ангел, но стены крохотной кухоньки растворились, и я мысленно перенёсся в бескрайнюю пустыню с величественными дюнами и монументальными пирамидами. Между пирамидами возник сфинкс, сначала аккуратненький, ровненький, а затем нос сфинкса отвалился. Видимо, для достоверности.

– В древнем Египте люди поклонялись 740 божествам – богу солнца, богу ветра, богу воды... И большинство божеств являлись проекцией. Энергией. Например, выходя на охоту, молились богу охоты Онурису. Крестьяне готовили почву и просили благословения у бога плодородия Бастеда. Богом воды называли Сухоса, и, стоя под душем, я сделал так, чтобы ты... – пейзаж пустыни рассеялся, и я снова оказался на кухне. – Почувствовал связь с богом воды.

Но чтобы не запутывать читателей, скажу проще. Ты как бы отправил запрос энергии воды – очистить твоё сознание и даровать ощущение радости и свободы. Что, по сути, является обращением. Обращение – это мысль. Мысль – это энергия. Энергия – это начало божественного.

Я закончил писать, и меня терзали две мысли.

Первая... Её я оставил при себе. А не перебор ли это – про богов энергии? Сушнякуса я знал... Он навещает после похмелья и строго до первого глотка огуречного рассола.

Вторая... Про неё спросил вслух:

– Но я же ничего не просил у энергии воды...

– Это я сделал за тебя, в качестве демонстрации силы. Второе – это осанка. Ты заметил, что ты как бы застыл в одной позе?

Действительно, стоя под водой, я будто кол проглотил. Ягодицы скрутило в тугой узел – такой вытяжке позавидует бывалый офицер.

– Позвоночный столб для циркуляции энергии должен быть вытянут, как струна. Если ты горбишься, сутулишься, энергия не проходит как надо. Ты же стоял как статуя. Это второй секрет.

– А третий? – спросил я, когда пауза затянулась.

– Третий... это благодарность. После закаливания нужно зафиксировать новые ощущения в теле и поблагодарить за это. Благодарность – это тоже энергия, выраженная во внимании. Ты благодаришь за что-то. А чтобы за что-то благодарить, нужно замечать изменения. То есть ты выходишь из пассивной позиции в активную. Ты наблюдаешь этот мир, а мир в ответ наблюдает за тобой.

Я взялся за кружку с так и не тронутым чаем и резко отдернул руку. Мне показалось, что я обжёгся, но не от жара, а будто от холода. Моргнув несколько раз, я ещё раз посмотрел на чай и, конечно, не увидел там льда... Игра разума. Игра мысли. Не знаю, ангел ли это подстроил, но восприятие на миг меня подвело. А не подводило ли меня восприятие всю мою предыдущую жизнь или только в этот момент?

– Вот это уже хороший вопрос, – подметил ангел.

Он, видимо, хотел что-то добавить. Только вот Гриша снова зачирикал, отчего ангел подскочил и побежал в спальню. Я – за ним, искренне перепугавшись за попугая.

Глава 12

Я боялся непоправимого!

Гришу хватит сердечный приступ. Он перестанет разговаривать или, хуже того, выучит пару матов и будет щеголять ими, как дворовый мальчишка.

Всё это промелькнуло в моей голове, когда я, на развороте, скользя носками по паркету, вбежал в спальню. Вбежал – и замер.

Вы помните сцену, когда Гарри Поттер общался с василиском? Вот этот змеиный язык – «Ашшшшаа шица»? Сцена была идентичная, только вместо василиска – Гриша!

Гриша чирикал иначе, с выражением, с воодушевлением, будто декламирует стихи Блока. Все его «чирик-чирик», пропитанные всеми невыслушанными сутками, когда я приходил с работы и от усталости накидывал на клетку простыню. Никаких разговоров. Никакого «чирик-чирик». Спать. А сейчас Гришу выслушали и... ответили? Ангел натурально выражался так же – «чирик-чирик», только чуть иначе, грубее что ли.

Я не знал, что делать в такой ситуации. А что бы сделали вы? Ушли бы дальше пить чай? Вызвали санитаров? Махнули на всё рукой?

Я махнул. И сел на край незаправленного дивана – попугайчик-то мой, и сердцу дорог. В общем, я сидел и ждал, когда они наговорятся. По интонациям я уловил, что разговор уходил во что-то важное... личное, что ли?

Ангел вдруг повернулся ко мне и зло посмотрел. Ну то есть брови сдвинуты к переносице, взгляд осуждающий, губы собраны в две ниточки. Снова разворачивается.

– Я, пожалуй, пойду чай допь...

– Сидеть. Чирик-чирик-чирик-чирик, – осадил меня бескрылый.

Я завалился на диван. Посмотрел на потолок – увидел трещину, идущую от люстры. Увидел пыль на плафонах, чихнул, встревожив Гришу, и разговор сошёл на нет. Только нос першило от пыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.